

с. 3.

ТЕАТРЪ И МУЗЫКА.

Александринскій театръ.

Данный вчера г. Федоровъ benefited и устроившая ему при этомъ спектакль со стороны товарищей по сценѣ, писателей и публики шло въ заслуженны. Онъ честно и ревностно продолжалъ русскую сцену двадцать пять лѣтъ. Началъ онъ свою карьеру актеромъ, и въ немъ помнятъ его въ бытовыхъ роляхъ, въ которыхъ онъ особенно удавался комическія роли (напр., псалма въ пьесѣ «Ляшкис»). Режиссеромъ въ Александринскомъ театрѣ онъ служилъ уже лѣтъ двадцать. Служба эта очень трудная, требующая большого опыта, искусства, ума и такта. По общему признанию, г. Федоровъ вполне стоитъ на высотѣ этихъ задачъ. Онъ не только отличный режиссеръ, но и хороший, уживчивый человѣкъ. Известно, что ладить съ актерами очень трудно и что отъ этого зависитъ часто успѣхъ самого дѣла. О г. Федоровѣ съ этой стороны нѣтъ ни разу приводилось слышать нахвалки отъ актеровъ. Что касается режиссерскаго дѣла на Александринской сценѣ, то его отличное состояніе въ настоящее время, безспорно, слѣдуетъ приписать въ существенной дѣлѣ труду, опыту и искусству г. Федорова. Это заслуга не малая передъ русскою театрою, а къ ней надо отнести и тѣмъ съ большей признательностью, что режиссерская работа — работа неблагодарная для интереса личной славы: она хлопотливая, рутинная, скрупулезная, требующая самоотверженія. Публика видитъ въ немъ результаты, но не видитъ и часто не знаетъ вовсе его труда, какъ не знаетъ сколько труда, сколько организаторскаго дарованія, вкуса и любви къ дѣлу выдвигаетъ режиссеръ въ постановку каждой пьесы! Вотъ, почему въ отъ души порадовались, что почтенная деятельность г. Федорова получила вчера заслуженное возданіе, и Александринская публика имѣла радостный случай познакомиться съ его личн. труженникомъ, которому нѣтъ русскій драматическій театръ обязанъ многимъ.

О дѣлѣ г. Чехова было много толковъ до его постановки. Это — первый, кажется, серьезный драматическій опытъ молодого писателя. Г. Чеховъ въ короткое, сравнительно, время приобрѣлъ дѣятельную и самостоятельную репутацию, обнаруживши въ немъ безспорное дарованіе, чуткую наблюдательность и неподдельный юморъ. Но вслѣдъ обнаружилось также, что г. Чеховъ великій мастеръ только въ маленькихъ пьесахъ. По крайней мѣрѣ, до сихъ поръ, въ всего нѣтъ написаннаго лучше всего его комическихъ сценъ и разсѣлокъ, и — наоборотъ — въ претенціознѣ, длиннѣ и обширнѣ по плану его бездѣлительскія вещи, тѣмъ слабѣе. Мало того, сама эта проба крупнаго разбора представляла собою, въ сущности, какъ-бы спайку маленькихъ, болѣе или менее, удачныхъ картинокъ, введенныхъ въ большую драму, но на самомъ дѣлѣ совершенно между собою связанными. Цѣльной, законченной, крупно-масштабной драмѣ не выходитъ. Показавъ, у г. Чехова исключительную талантливость и оригинальность, самъ по себѣ настолько цѣнный и почтенный, что было-бы чрезвычайно жаль, еслибы г. Чеховъ, въ достатокъ пренебрегъ своимъ даромъ, и не сталъ бы заниматься для незначительныхъ дѣлъ своего искусства.

Этимъ-же качествомъ отличается и драма г. Чехова «Наканунъ», вчера поставленная на Александринской сценѣ. Слѣдя за композиціей, скудная, сдержанная для четырехъ главныхъ актеровъ, лишенная внутренней драматической силы и хотя съ претензіями на серьезную психологическую драму г. Чехова блистаетъ прекрасными бытовыми картинками, сильно и горько, написанными драматическимъ талантомъ и кѣмъ-то совершенно характерна. Эти частности владѣли ей ту, именно, снѣжность, которой она обила своего успѣха. Показавши г. Чехова видѣли ту-же снѣжность и простоту въ своей постановкѣ пьесы, но, признаться, эта простота близко граничитъ съ неумѣемъ и безразличіемъ справиться съ задачей даннаго масштаба.

ба. Почти шло та нѣжность, съ какою г. Чеховъ спускаетъ бытъ и психологию, а именно съ «издѣлкіемъ». У него нѣсколько разъ повторяется та-кая, напѣвнѣе, безхитростный прѣвъ: — когда кончится одна сцена и надо начинать другую, то кто-нибудь изъ действующихъ лицъ просто при-глашаетъ остальныхъ болѣе или мѣнѣе уйти за кулисы. Въ почти выходы и уходы слѣдуютъ такія-же пѣвныя, спешеческія и безразличныя фразы. Вообще, со стороны сценическихъ техническихъ въ пьесѣ много недочетовъ, которые странно было-бы ставить автору въ какую-то заслугу, какъ нѣкую оригинальность и снѣжность.

— Какія тутъ зачатки? — Тутъ просто немо-гущая! — говоритъ въ заключительномъ актѣ од-но действующее лицо, характеризуя ту минуту, среди которой въ персонажи нѣмѣе переставятъ подѣлывать, выходя другъ друга и даже сами не знаютъ, чего они хотятъ, что думать и что говорить.

Дѣйствительно, г. Чеховъ вывелъ на подоро-жку коллекцію исповѣдатель и полублудныхъ, такъ что зрителю изумляло чудилось, что передъ нимъ на сценѣ просто сумасшедшіе дѣла. Сама пьеса нѣбѣе, потому, гораздо болѣе психическій интересъ, чѣмъ драматическій. Говоритъ, г. Че-ховъ — самъ правъ: можетъ быть, потому, онъ снѣшиваетъ душевныя болѣзни со страстями, те-атр — съ болѣзнями и художественно исповѣданію — съ праведной исповѣдію. И, кажется, г. Чеховъ, не шутя, думать, что современное наше общество состоитъ, главнымъ образомъ, изъ людей душевно-больныхъ, разнаго рода напѣвнѣе и исповѣданій. Онъ это даже категорически нѣсколько разъ утверждаетъ устами своихъ героев. Эта мысль автора складывается также въ самомъ выборѣ персонажей пьесы, какъ типическихъ представителей разнаго слоя общества.

Главный герой, Иванъ, кардинально напо-минающій Гамлета, похлѣбавши на личной неудо-вольственности собою, жизнью и жизнью, — «не-прежидный членъ по крестьянскій дѣламъ при-сутствію».

Такой-же исповѣданію его дѣла, Шабельскій, обо-звѣщенный своимъ прѣвѣдностью и задушевностью, — «графъ», представитель отживающаго поколѣ-нія, «отрѣвъ».

Систематическій писанина, Лебевъ, на все на-мущивъ рукою и похлѣбавши на мысли, что ему ничего не осталось, какъ «оказать», — «пред-датель женской управы».

Его жена — исповѣданію скарлетина.

Нѣкто Львовъ — исповѣданію «гражданской спор-ба» и честности — «земскій врачъ».

Нѣкая Бабакина, похлѣбавши на тщеславіи и желаніи сдѣлаться графиней, — похлѣбавши-двою, «дочь богатаго купца».

Даже «акцизникъ», Дмитрій Кошкинъ, — и тотъ оказывается исповѣданію вѣнны.

Словомъ, въ пьесѣ выведены представители раз-личныхъ слоевъ исповѣданій и исповѣданій, каждый изъ нихъ совершенно похлѣбавши свой напѣвнѣе, своей страстью для своей драматическості, и одной сою только и характеризуется. На у кого изъ нихъ нѣтъ ни ума, ни характера, ни правды, ни убѣжденій, которыми регулировалась-бы сколько нибудь ихъ поведѣніе. По первому аксиоматическому исповѣданію они говорятъ и дѣлаютъ безмыслины, похлѣбавши и глупости, прѣвѣе постоянно собою-же противорѣ-чать и перемѣлять отъ одной крайности къ дру-гой. Оно и понятно: — какъ обрѣзавши лопатъ, похлѣбавши и снѣдательности отъ людей, убоженно и душевно поврежденнымъ?

Что такихъ разсѣданныхъ существованій не-мало въ нашемъ обществѣ, что исповѣданію — ала-ние нѣбѣе въ наши дни, это такъ; но, во-про-сѣ, когда-же ихъ было меньше, а, во-вторыхъ, ну-жело, Иванъ? составляетъ средній, господ-

М4

Мед